

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Павлюченко Александра Андреевна

**Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении
Великобритании и Ирана при администрации Б. Обамы и Д. Трампа**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

**Научный
руководитель:** ***Шариков Павел Александрович,***
кандидат политических наук

**Официальные
оппоненты:** ***Цветкова Наталья Александровна,***
доктор исторических наук, профессор,
Институт Соединённых Штатов Америки и
Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук, и.о. директора

Фененко Алексей Валериевич,
доктор политических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
факультет мировой политики, кафедра
международной безопасности, профессор

Сурма Иван Викторович,
кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации, Дипломатическая академия МГИМО
МИД России, факультет международных
отношений, кафедра прикладного анализа
международных проблем, доцент

Защита диссертации состоится «15» сентября 2026 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.055.3 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 (Первый гуманитарный корпус МГУ), ауд. 550.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4031>

Автореферат разослан «__» августа 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор политических наук, профессор

В.М. Капицын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На протяжении последних столетий дипломатия показала себя как устойчивый и способный к адаптации в условиях технологических инноваций и социальных изменений институт мировой политики¹. С массовым распространением цифровых технологий и расширением возможностей для коммуникации в интернет-пространстве дипломатическая практика претерпела ряд существенных изменений.

Появление новых платформ для обмена информацией между государственными и негосударственными акторами расширило инструментарий дипломатии, сделав возможным взаимодействие государственных ведомств с неограниченной международной аудиторией. Частью дипломатической практики стало использование социальных сетей как инструмента формирования общественного мнения за рубежом. Ускорение процессов коммуникации между внешнеполитическими ведомствами, а также их взаимодействия с зарубежной аудиторией, в свою очередь, потребовало большей оперативности процесса принятия решений.

Влияние цифровых технологий на дипломатию стало значимым предметом исследования на рубеже XX–XXI веков². Проблемное поле, возникшее в результате описанных выше социальных, политических и технологических трансформаций, потребовало разработки новых исследовательских подходов и методов, что способствовало формированию самостоятельной области научных исследований – цифровой дипломатии.

На фоне обострения межгосударственного соперничества в информационном пространстве и стремления различных акторов

¹ Bátor J. Foreign Ministries and the Information Revolution: Going Virtual? Brill, 2008. P. 267; Nickles D.P. Under the wire: how the telegraph changed diplomacy: Harvard historical studies. Under the wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 265 p.; Hocking B. Diplomacy in the Digital Age. Netherlands Institute of International Relations, 2015.

² Dizdar W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Digital diplomacy. Westport, Conn: Praeger, 2001. 215 p. Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century. Cyber-diplomacy / ed. E.H. Potter. Montréal: McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 208 p.

использовать всё новые цифровые площадки для распространения политического влияния вопросы применения цифровых технологий с целью формирования зарубежного общественного мнения становятся всё более **актуальными** как для академических, так и для прикладных исследований. В этом контексте особый интерес представляет изучение цифровой дипломатии на примере Соединенных Штатов Америки – государственного актора, который первым комплексно имплементировал данную практику в собственную внешнеполитическую деятельность.

США были выбраны как один из основоположников цифровой дипломатии как нового инструмента дипломатической работы. Диссертационное исследование проводится на материалах посольства США в Великобритании и виртуального посольства США в Иране. Данные посольства были выбраны ввиду диаметрально противоположного подхода США в отношении данных государств. Великобритания была выбрана как «особый» партнер США³ с долгой историей сотрудничества, в то время как Иран выступает в качестве примера государства, позиционируемого во внешней политике США последних сорока лет как стратегический противник⁴. Также важную роль сыграла особенность самих посольств. Посольство США в Великобритании является крупнейшим по количеству подписчиков в социальной сети Твиттер*, в то время как виртуальное посольство в Иране – один из двух кейсов создания виртуальных посольств в истории дипломатической практики⁵.

³ Алешин А.А. Брекзит и будущее «особых отношений» США и Великобритании // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 1. С. 138-171.

⁴ Сафонов А.С. Эволюция политики администрации Джорджа Буша-младшего в отношении Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. № 3. С. 94-102.

* Здесь и далее: Twitter /X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁵ Arlyapova E. Virtual Embassy: New Technologies of Representation and Influence (Rethinking the American Experience) // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18, № 3. P. 32-47.

Изучение цифровой дипломатии США в отношении Ирана и Великобритании позволяет выявить реальные цели, которые Государственный департамент США преследует при работе с зарубежной аудиторией и опровергнуть или подтвердить их расхождение с постулируемыми целями. Данный вопрос особенно актуален для виртуального посольства в Иране, которое стало инструментом деструктивного влияния на иранское население.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследованиями цифровой дипломатии США занимались многие ученые в России и за рубежом. Используемую в данном исследовании литературу можно разделить на пять групп.

К первой относятся работы, посвящённые исследованию цифровой дипломатии как феномена современной мировой политики. Историко-теоретическую перспективу этому направлению придают труды М. Кастельса⁶ и Д. Никльса⁷, показывающие преемственность между развитием коммуникационных технологий и эволюцией дипломатических институтов в контексте формирования информационного общества.

Для уточнения содержания понятия «цифровая дипломатия» в качестве теоретической основы исследования были использованы разработки российских и зарубежных ученых, в частности Т.В. Зоной⁸, Н.А. Цветковой⁹, И.В. Сурмы¹⁰, К. Бйолы и И. Мэнора¹¹. Российский подход

⁶ Castells M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2011. 571 p.

⁷ Nickles D.P. Under the wire: how the telegraph changed diplomacy: Harvard historical studies. Under the wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 265 p.

⁸ Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. 2015. № 3 (36). С. 176-183.

⁹ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. 2020. № 2. С. 37-47; Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. 2020. Т. 10. С. 432-442; Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174-196.

¹⁰ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 220-249.

к изучению цифровой дипломатии отличается особым вниманием к месту новых технологий в сложившейся системе дипломатических институтов. Также использовались труды, посвященные схожим концепциям: «кибердипломатии» (Ш. Риордана¹²), «сетевой дипломатии» (Дж. Метцла¹³) и дата-дипломатии (Т. Дайя¹⁴).

Работа «Цифровая дипломатия США»¹⁵ И.В. Сурмы выделяется системным подходом к анализу институциональных и функциональных аспектов цифровой дипломатии, в то время как в книге «Цифровая дипломатия: монография»¹⁶ под авторством А.А. Данеляна и др. внимание обращено на прикладные измерения деятельности дипломатических ведомств в онлайн-среде. Среди учебных изданий особое место занимают работы, посвященные пересечению кибербезопасности и цифровой дипломатии, к примеру «Международная информационная безопасность: Теория и практика»¹⁷ под редакцией А.В. Крутских, а также «Цифровые международные отношения»¹⁸ под редакцией Е.С. Зиновьевой и С.В. Шитькова. Информационные и медийные аспекты цифровой

¹¹ Bjola C. The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. № 2. P. 471-491.; Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy: Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy*. Cham: Springer International Publishing; Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. 232 p.

¹² Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction> (дата обращения: 11.03.2024).

¹³ Metzl J.F. Network Diplomacy // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2001. Vol. 2. № 1. P. 77-87.

¹⁴ Dye T. Data Diplomacy // *American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference*. 2019. Vol. 8. P. 19-20.

¹⁵ Сурма И.В. *Цифровая дипломатия: монография*. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. 124 с.

¹⁶ Danelyan A. *Digital Diplomacy: monograph* / A. Danelyan, A. Mikhaylik, V.F. Zaemsky [et al.]. – Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2021. – 202 p.

¹⁷ *Международная информационная безопасность: Теория и практика: В 3 томах. Том 1: Учебник для вузов* / ред. А.В. Крутских. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 381 с.

¹⁸ Зиновьева, Е.С. *Цифровые международные отношений. Т. I* / Е.С. Зиновьева, С.В. Шитьков. – М: МГИМО-Университет, 2023. – 354 с.

дипломатии рассмотрены в учебном пособии «Информационно-медийное пространство мировой политики»¹⁹ под редакцией Т.Г. Добросклонской.

Монография «Цифровой поворот в международных отношениях»²⁰ под редакцией М.А. Сучкова и И.В. Болговой придаёт исследованию дополнительное измерение, акцентируя внимание на связи между технологическими инновациями и эволюцией мировой политики. Зарубежные авторы, такие как У. Дизард²¹, Э. Поттер²², И. Мэнор²³, заложили теоретические основы концепции цифровой дипломатии, рассматривая её в контексте общественной коммуникации и имиджевой политики государств. Работы Й. Баторы и коллективные исследования под редакцией К. Бйолы и М. Холмса²⁴, а также Ф. Румат²⁵ демонстрируют переход от описания технологических инструментов к изучению цифрового пространства как среды конструирования внешнеполитических смыслов.

Особое место в современной отечественной научной литературе занимают диссертационные исследования, посвящённые феномену цифровой дипломатии и её влиянию на международную коммуникацию и внешнеполитические процессы. Диссертации Н.В. Новикова²⁶,

¹⁹ Информационно-медийное пространство мировой политики / Багдасарьян Н.Г., Беликова А.А., Добросклонская Т.Г. [и др.]. М.: Книжный дом «Университет», 2023. 108 с.

²⁰ Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней: монография / ред. М.А. Сучков, И.В. Болгова. М.: МГИМО-Университет, 2023.

²¹ Dizard W.P. Digital diplomacy: U.S. foreign policy in the information age. Digital diplomacy. Westport, Conn: Praeger, 2001. 215 p.

²² Cyber-diplomacy: managing foreign policy in the twenty-first century. Cyber-diplomacy / ed. E.H. Potter. Montréal: McGill-Queen's Univ. Press, 2002. 208 p.

²³ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy: Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. Cham: Springer International Publishing: Imprint: Palgrave Macmillan, 2019. 232 p.

²⁴ Digital diplomacy: theory and practice: Routledge new diplomacy studies. Digital diplomacy / C. Bjola, M. Holmes. London; New York: Routledge, 2015. 238 p.

²⁵ Roumate, F. Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities / ed. by F. Roumate. Cham: Springer International Publishing, 2021. 212 p.

²⁶ Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии. М.: Московский городской педагогический университет, 2017.

А.Н. Сытник²⁷, З. Шахуда²⁸, М.М. Базлуцкой²⁹, А.С. Хотулева³⁰ и Д.В. Макарьяна³¹ позволяют проследить эволюцию представлений о цифровой дипломатии в российской исследовательской традиции от изучения коммуникационных стратегий и технологических аспектов цифровизации до анализа её политико-правовых и ценностных оснований.

Цифровая дипломатия также стала объектом изучения в контексте национальной безопасности. Можно отметить, что вопрос влияния цифровой дипломатии на государственный суверенитет и национальную безопасность был поднят в отечественной литературе одним из первых. Д.Н. Барышников и А.Ю. Туленков ещё в 2012 г. обращались к этому аспекту в своей работе ««Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации»,³² а Е.С. Зиновьева продолжила данную тему в статье «Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности»³³.

Несмотря на интерес к цифровой дипломатии в контексте безопасности, всё же чаще она рассматривается как составляющая публичной дипломатии, к примеру, вопрос о влиянии ИКТ на публичную дипломатию

²⁷ Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021.

²⁸ Шахуд З. Роль информационных технологий во внешней политике Российской Федерации в Арабском мире. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Государственный Университет, 2020.

²⁹ Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия США в отношении Российской Федерации (2009 г. – н.в.). М: МГИМО-Университет, 2024.

³⁰ Хотулев А.С. Политические проблемы глобального цифрового развития. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023.

³¹ Макарьян Д.В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор международных отношений: политические и правовые аспекты. М: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.

³² Барышников Д.Н. «Цифровая дипломатия» и государственный суверенитет в эпоху глобализации / Д.Н. Барышников, А.Ю. Туленков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 121–128.

³³ Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности / Е.С. Зиновьева // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1(104). С. 213-228.

поднимает П.А. Шариков³⁴. Стоит также упомянуть ряд работ Н.А. Цветковой, посвящённых цифровой дипломатии США³⁵, работы А.Н. Марчукова, посвященные ЦД России³⁶ и Швеции³⁷, а также особенно актуальную в условиях усилившегося геополитического соперничества работу Е.А. Шур, посвящённую цифровой дипломатии США в Индии³⁸. Цифровая дипломатия Китая рассмотрена в работах И. Денисова и др.³⁹, а также К.С. Кравцова и Е.Д. Соболевой⁴⁰. Говоря о Соединенных Штатах, можно также отметить ретроспективные работы, исследующие внедрение ИКТ в Государственном департаменте США, М.П. Теленьги,⁴¹ Т.А. Гришаниной⁴² и А.А. Павлюченко⁴³.

Также следует отметить ряд работ, посвящённых влиянию цифровизации на переговорный процесс. Вопросы практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху рассмотрели в своих исследованиях

³⁴ Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривнутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. 2023. Т. 15. № 1. С. 164-187.

³⁵ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. 2020. № 2. С. 37-47; Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. 2020. Т. 10. С. 432-442;

³⁶ Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные Отношения И Мировая Политика. 2014. Т. 6. № 3. С. 95-114.

³⁷ Марчуков А.Н. Цифровая дипломатия Швеции: в поисках диалога // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные Отношения И Мировая Политика. 2021. Т. 13. Цифровая Дипломатия Швеции. № 4. С. 162-181.

³⁸ Шур Е.А. Американская цифровая дипломатия в Индии при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 72-80.

³⁹ Denisov I. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: analysis of the Russian-language accounts // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. №. 26 С. 274-290.

⁴⁰ Кравцов К.С. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке / К.С. Кравцов, Е.Д. Соболева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2023. – Т. 48, № 4. – С. 3–22.

⁴¹ Теленьга М.П. Цифровая дипломатия США: историографический обзор // AMERICANA. 2020. Цифровая Дипломатия США. № 16. С. 250-267.

⁴² Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 4. С. 682-688.

⁴³ Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. 2023. № 3(28).

Ю.А. Никитина и К.К. Таран⁴⁴, а М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева описали трансформацию повестки, структуры и акторов международных переговоров в данном контексте, отметив, что первые шаги анализа международных переговоров с помощью компьютерного моделирования были предприняты в МГИМО еще в 1981 г. В.Б. Луковым и В.М. Сергеевым⁴⁵.

В последние годы особенно актуальным стал вопрос датафикации и внедрения искусственного интеллекта в дипломатическую деятельность. В данном контексте стоит вновь упомянуть работы таких авторов, как Т.А. Гришанина⁴⁶, А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова и И.А. Цветков⁴⁷, Н.М. Кузнецов⁴⁸, а также недавний доклад ««Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии» под редакцией Е.С. Зиновьевой⁴⁹.

Вторую группу авторов формируют исследователи, рассматривающие развитие внешнеполитического курса США в информационно-коммуникационной сфере. В этих работах цифровые технологии анализируются не только как инструмент влияния, но и как самостоятельный фактор, определяющий стратегические приоритеты Вашингтона на мировой

⁴⁴ Никитина Ю.А. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху / Ю.А. Никитина, К.К. Таран // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1 (60). – С. 11–28.

⁴⁵ Лебедева М.М. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации / М.М. Лебедева, Е.С. Зиновьева // Вестник РУДН. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 2023. Т. 23. № 1. С. 144-156.

⁴⁶ Гришанина Т.А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 10-18.

⁴⁷ Сытник А.Н. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов / А.Н. Сытник, Н.А. Цветкова, И.А. Цветков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 192–203.

⁴⁸ Кузнецов Н.М. Датафикация в международных отношениях: дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии // Актуальные вопросы мировой политики: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Научно-исследовательский центр «Пересвет», 2020. С. 52–64.

⁴⁹ «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / Ред. Е.С. Зиновьева. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024.

арене. Монография Е.А. Роговского⁵⁰ представляет ценный вклад в осмысление американских амбиций в киберпространстве.

Исследование М.А. Никитенковой раскрывает роль государства в развитии национальной информационной инфраструктуры, демонстрируя тесное взаимодействие между частным сектором, технологическими корпорациями и внешнеполитическими институтами⁵¹. Этот подход позволяет рассматривать цифровую дипломатию как часть более широкой технологической стратегии США, направленной на поддержание глобального лидерства в сфере информационных инноваций. В диссертации П.А. Шарикова особое внимание уделяется вопросам международной информационной безопасности и формированию собственных стандартов США в киберполитике, что подчеркивает амбицию страны быть не только пользователем, но и регулятором цифрового пространства⁵².

Работы И.Т. Стадник⁵³, П.А. Карасева⁵⁴ дополняют данную исследовательскую линию, рассматривая эволюцию американского подхода к киберугрозам и милитаризации цифровой сферы. Это свидетельствует о формировании целостной доктрины, в которой цифровая дипломатия, кибербезопасность и информационные операции представляют собой взаимосвязанные элементы внешнеполитического курса США.

Таким образом, указанные работы создают концептуальную основу для рассмотрения цифровой дипломатии как специфического измерения американской внешней политики, где информационные технологии служат одновременно средством, ареной и предметом международной конкуренции.

⁵⁰ Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон. Глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014. 848 с.

⁵¹ Никитенкова М.А. Информационная инфраструктура США. государство и рынок: монография. М.: Academia, 2009. 298 с.

⁵² Шариков П.А. Политика США в области информационной безопасности. М., 2009. С. 216.

⁵³ Стадник И.Т. Политика кибербезопасности США // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3. С. 157-169.

⁵⁴ Karasev P.A. Evolution of National Approaches to Cyber Warfare // Journal of International Analytics. 2022. Т. 13. № 2. С. 79-94.

Третью группу составляют работы, посвященные методологическим аспектам анализа цифровой дипломатии. В данных работах выделяются два основных подхода – филологический и политологический⁵⁵. Для филологических наук характерно применение методологии дискурсивного анализа цифровой дипломатии, что отразилось в работах Е.Н. Шеховцевой⁵⁶, П.Ю. Ганжелюк и С.С. Тахтаровой⁵⁷, И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой⁵⁸, а также А. Мешаал⁵⁹. Их подход демонстрирует, что цифровые коммуникации не просто транслируют политические послания, но и формируют собственное пространство смыслов, интерпретаций и дискурсов.

В изучении цифровой дипломатии в политологии выделяются два основных направления: контент-анализ и анализ хештега. Опыт применения хештег-анализа для изучения цифровой дипломатии описан в работах Е.С. Яковлевой⁶⁰, Т.А. Гришаниной⁶¹, А.Н. Сытник⁶². Особенности ЦД в

⁵⁵ Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. 2024. Т. 16. № 4. С. 225-250.

⁵⁶ Шеховцева Е.Н. Цифровая дипломатия vs традиционная дипломатия с позиций дискурсивной перформативности (на материале англо- и русскоязычных дипломатических заявлений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 164-169.

⁵⁷ Ганжелюк П.Ю. Коммуникативные стратегии дискурса цифровой дипломатии (на материале американской твитпломатии) / П.Ю. Ганжелюк, С.С. Тахтарова // TERRA LINGUAЕ: Сборник научных статей. – 2019. – № 5. – С. 20–26.

⁵⁸ Кауфова И.Б. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5. С. 178.

⁵⁹ Мешаал А. Непреходящее место смягчающих тактик в цифровом дипломатическом дискурсе (анализ выступлений С. Лаврова и Б. Джонсона) // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 167-173.

⁶⁰ Яковлева Е.С. Цифровая дипломатия Министерств иностранных дел: сравнительный анализ Российского и Турецкого подходов в Твиттер-дипломатии (Twitter/X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации) // Международные отношения в глобальном измерении. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Политех-пресс, 2022. С. 141-148.

⁶¹ Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях. ООО «Скифия-принт», 2022. С. 209-217.

⁶² Сытник А.Н. Цифровизация и "большие данные"...

период пандемии исследованы в статье И.Е. Денисова, А.Р. Дагаева и С.П. Султанаева⁶³. В работе был проведен сравнительный тематический контент-анализ аккаунтов посольств Китая, Кореи и Японии в социальных сетях.

К.С. Кравцов и Е.Д. Соболева продолжили изучение этой темы, в фокусе их исследования оказалась цифровая дипломатия КНР в Африке в Facebook^{*64}. В совокупности данные исследования демонстрируют, что развитие методологии анализа цифровой дипломатии происходит на пересечении гуманитарных и точных наук. Синтез дискурсивных, лингвистических и статистических методов формирует комплексный аналитический инструментарий, применимый к исследованию цифровой дипломатии США как динамичной, многослойной и сетевой формы внешнеполитической коммуникации.

Четвертую группу формируют исследования, посвящённые трансформации приоритетов и направлений внешней политики США. Эти работы позволяют проследить, как политические, экономические и идеологические факторы влияли на эволюцию внешнеполитического курса Вашингтона в начале XXI в. Исследования А.А. Алешина⁶⁵, Т.Н. Андреевой⁶⁶, А.О. Мамедовой⁶⁷ рассматривают американо-британские отношения в контексте изменений мировой политической архитектуры и заключают, что США сохраняют особую роль в трансатлантическом партнерстве, адаптируя инструменты влияния под новые вызовы цифровой эпохи и процессы глобализации.

⁶³ Denisov I. Op. cit. С. 274-290.

* Здесь и далее. Деятельность Meta Inc. запрещена на территории Российской Федерации и признана экстремистской с 21 марта 2022 г.

⁶⁴ Кравцов К.С. Указ. соч. С. 3-22.

⁶⁵ Алешин А.А. Указ. соч. С. 138-171.

⁶⁶ Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 61-72.

⁶⁷ Мамедова А.О. Американо-британские отношения и переговоры о ТТИП // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 2(53). С. 208-225.

Работы Ю.В. Трофимовой⁶⁸, О.Э. Бранды⁶⁹ акцентируют внимание на личности президента как факторе трансформации внешнеполитического курса США, показывая, что при Б. Обаме приоритетными стали многосторонность и «мягкая сила», тогда как администрация Д. Трампа вернулась к более изоляционистским установкам.

С.М. Рогов⁷⁰ и А.С. Сафонов⁷¹ раскрывают ближневосточное измерение внешней политики США, показывая, что роль Ирана и региональных кризисов оказалась одним из ключевых факторов, определяющих логику дипломатических решений и стратегий безопасности. Отдельное место занимают работы О.А. Хлопова⁷², который анализирует особенности внешнеполитической риторики и решений первой администрации Д. Трампа, связывая их с изменением модели коммуникации между властью и обществом внутри США.

Проведённый историографический анализ свидетельствует об отсутствии в современной политической науке комплексных исследований, которые рассматривали бы цифровую дипломатию США как дифференцированный внешнеполитический инструмент, применяемый принципиально различным образом в отношении союзников и государств-противников. В существующих работах, как правило, либо преобладает общий теоретический анализ феномена цифровой дипломатии, либо внимание авторов сосредоточено на отдельных страновых кейсах. Это не позволяет выявить структурные закономерности в выборе стратегий и

⁶⁸ Трофимова Ю.В. Политический портрет Барака Обамы и итоги внешнеполитической стратегии сорок четвертого президента США // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2016. № 3. С. 55-60.

⁶⁹ Brânda O.E. Changes in the American Foreign Policy: From Obama to Trump // International conference knowledge-based organization. 2018. Vol. 24. № 2. P. 160-165.

⁷⁰ Рогов С.М. Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8 (661). С. 8-10.

⁷¹ Сафонов, А.С. Иранское направление в ближневосточной политике США в начальный период деятельности администрации Барака Обамы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 3 (39). С. 85–91.

⁷² Хлопов О.А. Приоритеты и реализация внешней политики США администрацией Д. Трампа // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 5. С. 509-520.

инструментов цифровой коммуникации в зависимости от характера двусторонних отношений. Настоящая диссертация восполняет эту лакуну и расширяет понимание цифровой дипломатии как самостоятельного инструмента внешнеполитической деятельности, конфигурация которого определяется статусом государства-адресата в иерархии внешнеполитических приоритетов США, а не только технологическими возможностями цифровой среды.

Источниковую базу исследования составили следующие группы источников:

Первую составляют документы Государственного департамента США, а также материалы актуальной и архивных версий сайта Департамента и речей государственных секретарей и их заместителей по публичной дипломатии, которые использовались при анализе подходов Государственного департамента к понятию «цифровая дипломатия», а также при рассмотрении эволюции цифровой дипломатии США.

Вторую группу источников представляют собой публикации Twitter-аккаунтов* посольства США в Великобритании и виртуального посольства США в Иране. Всего в рамках исследования было проанализировано 30 015 публикаций. Массив данных, использованный в работе, размещён в открытом доступе в репозитории Github⁷³.

Третью группу составили доклады аналитических центров и институтов, среди которых выделяются ««Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии»⁷⁴ МГИМО МИД России, «Открытые

* Здесь и далее: Twitter /X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁷³ Павлюченко А.А. United States digital diplomacy towards Great Britain and Iran Dataset. URL: <https://github.com/AlexaPavl/United-States-digital-diplomacy-towards-Great-Britain-and-Iran-Dataset> (дата обращения: 24.02.2025).

⁷⁴ «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / Ред. Е.С. Зиновьева. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024.

данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта»⁷⁵ Центра перспективных управленческих решений, «Дипломатия в эпоху искусственного интеллекта»⁷⁶ Эмиратской дипломатической академии, «Дата-дипломатия. Обновляя дипломатию в эру больших данных»⁷⁷ и «Картирование вызовов и возможностей использования искусственного интеллекта в практике дипломатии»⁷⁸ фонда DiploFoundation.

Источниковая база исследования обладает комплексным и междисциплинарным характером, что обеспечивает всестороннее освещение темы цифровой дипломатии США. Документы Государственного департамента создают основу для анализа официальных подходов и стратегических установок, определяющих развитие цифровой дипломатии на институциональном уровне. Публикации дипломатических аккаунтов делают возможными выявление коммуникативных практик и оценку динамики цифрового взаимодействия в реальном времени. Доклады аналитических центров и институтов, делающие фокус на взаимосвязи технологий, искусственного интеллекта и дипломатии, расширяют исследовательскую перспективу, позволяя рассматривать цифровую дипломатию не только как политико-коммуникационное явление, но и как часть глобальной технологической трансформации. В совокупности использование этих источников обеспечивает надёжность и аналитическую глубину исследования, а также способствует раскрытию особенностей американского подхода к цифровой дипломатии в контексте современных вызовов международных отношений.

Целью данного исследования является выявление и сопоставление ключевых особенностей цифровой дипломатии США в отношении

⁷⁵ Шакиров О.И. Открытые данные в дипломатии: Россия в контексте международного опыта // Центр перспективных управленческих решений. 2021. Т. 7. № 7. С. 1-52.

⁷⁶ Bjola C. Diplomacy in the Age of Artificial Intelligence. EDA Working paper. Emirate diplomatic academy, 2020.

⁷⁷ Rosen Jacobson B. Data Diplomacy Updating diplomacy to the big data era. DiploFoundation, 2018.

⁷⁸ Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy. DiploFoundation, 2019. 44 p.

государства-союзника (Великобритании) и стратегического противника (Ирана) в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа для определения степени влияния характера двусторонних отношений на выбор стратегий и инструментов онлайн-коммуникации.

Для реализации цели исследования были определены следующие **задачи**:

1. выделить подходы академического сообщества к определению цифровой дипломатии;
2. определить основные методы анализа цифровой дипломатии, их преимущества и ограничения;
3. выявить этапы эволюции концепции «цифровая дипломатия» в дискурсе Государственного департамента США;
4. определить этапы становления и трансформации цифровой дипломатии США с учётом институциональных и технологических аспектов;
5. установить закономерности развития цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа;
6. выявить особенности союзнического и конфронтационного вектора в цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана.

Объект исследования – цифровая дипломатия США в отношении Великобритании и Ирана, под которой понимается использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами.

Предметом исследования выступают страновые особенности реализации цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана.

В качестве хронологических рамок рассматриваются администрации Б. Обамы (2009–2013 гг., 2013–2017 гг.) и Д. Трампа (2017–2021 гг.), т.к. именно в данный период произошло системное внедрение практик цифровой дипломатии в структуры Государственного департамента США.

Научная новизна исследования заключается в том, что цифровая дипломатия рассматривается не просто как теоретическая концепция, а как эмпирически измеряемая система взаимодействий, в то время как разработанный метод исследования этой сферы позволяет делать выводы о приоритетах внешней политики и особенностях двусторонних отношений.

Разработана авторская методология количественного анализа цифровой дипломатии на основе большого массива данных. В рамках исследования была проведена систематизация концептуального аппарата в области исследования цифровой дипломатии с учётом отечественного и зарубежных подходов. Предложена периодизация цифровой дипломатии США, учитывающая политические, технологические и коммуникационные факторы. Впервые в отечественной академической практике было проведено сравнение президентских администраций Б. Обамы и Д. Трампа с точки зрения их подхода к цифровой дипломатии. Разработан авторский метод анализа деятельности социальных сетей посольств в контексте исследования внешней политики.

Гипотеза. Цифровая дипломатия США не является нейтральным коммуникативным инструментом: характер двусторонних отношений определяет не только тональность, но и саму архитектуру онлайн-присутствия дипломатических ведомств. В период администраций Б. Обамы и Д. Трампа в отношении государства-союзника реализуется инклюзивная модель, предполагающая координацию нарративов, генерацию пользовательского контента и конструирование общего пространства ценностей и угроз, тогда как в отношении государства-противника те же институциональные ресурсы направляются на делегитимацию власти и поддержку протестных движений.

Теоретическая значимость исследования определяется несколькими аспектами.

Во-первых, в работе проведена систематизация понятийного аппарата в области цифровой дипломатии с учётом отечественных и зарубежных

исследовательских традиций. Анализ широкого массива конкурирующих терминов позволил разграничить понятия «цифровая дипломатия», «кибердипломатия» и «дата-дипломатия», установить логику их соотношения и обосновать трактовку цифровой дипломатии как зонтичной категории, охватывающей как классическую, так и публичную дипломатию. Предложенное рабочее определение («использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами в целях коммуникации с зарубежной аудиторией, формирования общественного мнения за рубежом и продвижения внешнеполитических интересов государства») ориентировано на преодоление терминологической размытости, характерной для современного состояния данного исследовательского поля.

Во-вторых, в исследовании предложена авторская периодизация цифровой дипломатии США, учитывающая политические, технологические и коммуникационные факторы в их взаимосвязи. В отличие от существующих схем, сводящих эволюцию цифровой дипломатии преимущественно к изменениям в социально-медийной среде, предложенная периодизация фиксирует институциональные трансформации Государственного департамента и позволяет соотносить смену коммуникационных стратегий с изменениями во внешнеполитическом курсе конкретных администраций.

В-третьих, исследование развивает конструктивистскую теоретическую рамку применительно к анализу цифровой дипломатии. Рассмотрение онлайн-коммуникации дипломатических ведомств как практики конструирования политических идентичностей, образов угроз и союзнических нарративов открывает возможности для изучения того, как цифровые взаимодействия формируют и трансформируют представления о международных отношениях и внешнеполитических акторах.

В-четвёртых, работа вносит вклад в развитие методологии исследования цифровой дипломатии, обосновывая применение смешанного подхода, сочетающего хештег-анализ, тематическое моделирование на

основе иерархической кластеризации, количественный и качественный контент-анализ и анализ вовлечённости аудитории. Разработанный инструментарий позволяет рассматривать цифровую дипломатию как эмпирически измеримую систему взаимодействий, параметры которой поддаются верификации и сопоставлению, что создаёт методологическую основу для сравнительных исследований цифровой дипломатии различных государств.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут служить основой для разработки рекомендаций для органов государственной власти Российской Федерации, а также использоваться в рамках учебных курсов при подготовке специалистов-международников. Собранный в рамках подготовки диссертационного исследования датасет может стать основой для дальнейших исследований цифровой дипломатии.

Теоретико-методологические основания исследования. В своей работе автор придерживается *теории социального конструктивизма*, введенной П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности»⁷⁹ и позже получившей развитие в работах А. Вендта⁸⁰, Д. Кэмпбелла⁸¹, М.Дж. Шапиро⁸² и И. Нойманна⁸³. Как отмечает Н.А. Цветкова, «конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой дипломатии, что, в свою очередь, может оказать влияние и на развитие самой конструктивистской теории. Анализ настроений пользователей, реакции и тона комментариев формируют базис для понимания идентичностей, ценностей и меняющихся

⁷⁹ Berger P.L. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P.L. Berger, T. Luckmann. – New York: Open Road Media Integrated Media, 1967. – 219 p.

⁸⁰ Wendt A. Social theory of international politics: Cambridge studies in international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

⁸¹ Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Writing Security. Univ Of Minnesota Press, 1998. 308 p.

⁸² Shapiro M.J. Reading the Postmodern Polity: Political Theory As Textual Practice. Minnesota: Univ of Minnesota, 1991. 177 p.

⁸³ Neumann I.B. Uses of the Other: “The East” in European Identity Form.... Uses of the Other. University of Minnesota Press, 1999. 304 p.

предпочтений групп общества по конкретным политическим вопросам в отдельно взятой стране. Более того, использование методов конструктивизма позволяет сделать выводы о влиянии отдельных постов или информационных кампаний политической власти на ценностные ориентиры целевой аудитории»⁸⁴.

Таким образом, рассмотрение цифровой дипломатии через призму конструктивистского подхода позволяет не только фиксировать онлайн-коммуникацию, но и выявлять глубинные смыслы, формирующие политические идентичности и ценностные установки. Конструктивизм делает возможным анализ того, как цифровые взаимодействия создают и трансформируют представления о международных отношениях, национальной политике и внешнеполитических акторах.

Для уточнения понятия «цифровая дипломатия» в качестве теоретической основы исследования были использованы разработки российских и зарубежных теоретиков, в частности Т.В. Зоной⁸⁵, Н.А. Цветковой⁸⁶, И.В. Сурмы⁸⁷, К. Бйолы и И. Мэнора⁸⁸. Также использовались труды, посвященные схожим концепциям: «кибердипломатии» (Ш. Риордана⁸⁹), «сетевой дипломатии» (Дж. Метцла)⁹⁰ и дата-дипломатии (Т. Дайя⁹¹).

В качестве вспомогательных подходов был использован ряд теорий среднего уровня: концепция публичной дипломатии, в рамках которой цифровая дипломатия рассматривалась как инструмент коммуникации внешнеполитических ведомств с зарубежной аудиторией, а также теория секьюритизации, инструментарий которой использовался при анализе

⁸⁴ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. 2020. № 2. С. 37-47;

⁸⁵ Зонова Т.В. Указ. соч. С. 176-183.

⁸⁶ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия и digital international relations... С. 174-196.

⁸⁷ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике... С. 220-249.

⁸⁸ Bjola C. The rise of hybrid diplomacy... P. 471-491.

⁸⁹ Riordan S Op. cit.

⁹⁰ Metzl J.F. Op. cit. P. 77-87.

⁹¹ Dye T. Op. cit. P. 19-20.

нарратива об угрозах в контексте цифровой дипломатии США. Структурно-функциональный подход позволил проследить трансформацию институтов цифровой дипломатии Государственного департамента.

Для оценки имеющейся практики исследования цифровой дипломатии, а также определения цифровой дипломатии применен систематический обзор литературы. Сравнительный анализ использовался как при работе с литературой, так и при сравнении практик цифровой дипломатии рассматриваемых президентских администраций.

При анализе публикаций социальной сети Twitter* использовался комплекс количественных и качественных методов⁹², что позволило применить как индуктивную, так и дедуктивную логику в исследовании.

Для анализа публикаций использовались хештег-анализ, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, количественный контент-анализ, а также качественный контент-анализ. Комплекс методов позволил выделить динамику новостной повестки президентских администраций, а также реакцию на нее аудитории.

Количественный хештег-анализ представляет собой подсчет применяемых в Twitter-публикациях* хештегов. Хештег – это «графический знак, слово, фраза, предложение, написанные без пробелов, которые следуют за символом решетки (#). Обычно хештеги являются частью текста публикации, но могут представлять собой и самостоятельное сообщение. По определению зарубежных исследователей, хештег представляет собой

* Здесь и далее: Twitter / X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

⁹² Maxwell J.A. Expanding the History and Range of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2015. Vol. 10. № 1. P. 12-27.

* Здесь и далее: Twitter / X Заблокирован в Российской Федерации с марта 2022 года по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 закона об информации, информтехнологиях и о защите информации.

коммуникационные метки (“metacomunicative”) для выражения главной темы текста»⁹³.

Тематическое моделирование – это комплекс методов, направленных на выявление тем текстового массива. Упрощенно говоря, тематическое моделирование позволяет выделить темы в одном или множестве текстов. *Иерархическая кластеризация* – это один из видов кластерного анализа, подразумевающий, что алгоритм выделяет наиболее похожие тексты и объединяет их в одну группу.

Тематическое моделирование использовалось как первый этап анализа текстов, позволивший составить тематические словари для последовавшего далее контент-анализа. На последнем этапе исследования публикации, содержащие ключевые слова из тематических словарей и названия стран, были дополнительно подвергнуты *качественному контент-анализу* для выявления контекстов употребления ключевых слов и общего тона публикаций.

Положения, выносимые на защиту.

1. Цифровая дипломатия США как коммуникативный инструмент преодолела несколько этапов развития. Во время первой администрации Б. Обамы цифровая дипломатия выступала в качестве ретранслятора прямой речи президента и государственного секретаря; при этом посольства обладали минимальной самостоятельностью и не формировали локальную повестку. Во время второй администрации Б. Обамы она стала выступать в качестве инструмента воздействия на общественное мнение. Стратегии присутствия усложнились, появились кампании по генерации пользовательского контента, дипломаты стали понимать нюансы работы социальных сетей. При Д. Трампе цифровая дипломатия отошла на второй план, о чем свидетельствует сокращение числа публикаций в три раза.

⁹³ Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс / Л.С. Патрушева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – Т. 28. – № 3. – С. 471-475.

2. Цифровая дипломатия США в отношении Ирана в исследуемый период характеризуется ограниченной эффективностью, что проявляется в недостижении заявленных целей по мобилизации протестной активности, низком уровне вовлечённости аудитории и отсутствии устойчивого отклика на публикуемый контент; односторонний характер коммуникации и функционирование аккаунта в формате «эхо-камеры», преимущественно взаимодействующей с аффилированными акторами, существенно снижали ее потенциал влияния на внутренний общественно-политический дискурс Ирана.

3. Цифровая дипломатия США в отношении Великобритании представляла собой динамичный инструмент формирования союзнической идентичности, содержательная логика которого определялась не только долгосрочной коммуникационной стратегией, но и конъюнктурой текущей внешнеполитической повестки. Посольство последовательно разворачивало информационные кампании, обслуживавшие конкретные задачи президентской администрации: подготовку британского общественного мнения к принятию ТТИП, легитимацию трансатлантического военно-политического сплочения через конструирование образа общего врага и, наконец, символическое воспроизводство «особых отношений» посредством апелляции к совместной исторической памяти в условиях нараставшей напряжённости периода администрации Д. Трампа. Смена тематических доминант при неизменности базовой установки на укрепление союзнической солидарности свидетельствует о высокой адаптивности цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента и её органичной встроенности в общую логику американской публичной дипломатии

4. Эффективность цифровой дипломатии США прямо зависит от степени адаптации коммуникационной стратегии к характеристикам целевой аудитории и уровня интерактивности: диалоговая, локализованная и культурно релевантная модель (на примере Великобритании) демонстрирует более высокую вовлечённость и устойчивый имиджевый эффект, тогда как

односторонняя, слабо локализованная и избыточно идеологизированная коммуникация (на примере Ирана) формирует эффект «эхо-камеры» и ограничивает достижение заявленных внешнеполитических целей.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечена обоснованной теоретико-методологической базой исследования, использованием соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования научных методов, опорой на обширный перечень верифицируемых источников исследования.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения работы изложены в 7 научных статьях автора общим объемом 5,66 п.л., в том числе в 5 статьях (объемом 3,86 п.л.), опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, и в 2 статьях (объемом 1,8 п.л.), опубликованных в журналах Перечня ВАК. Результаты исследования также прошли апробацию в ходе 15 выступлений автора на международных и всероссийских научных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии в количестве 201 наименования, а также датасета, размещенного в открытом доступе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень научной разработанности темы исследования, формулируются цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования, задаются хронологические рамки исследования, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются теоретико-методологическая основа и источниковая база исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются сведения о соответствии содержания диссертации паспорту научной специальности, обосновывается достоверность полученных результатов исследования, представляются апробация результатов исследования и структура исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования» рассматривается история развития цифровой дипломатии США как одной из составляющих дипломатической деятельности с конца XX века по 2021 г. Определяются основные подходы к ее определению в академическом сообществе, а также проблематика дальнейшего развития предметного поля. Систематизируются концептуальные подходы к цифровой дипломатии в официальных документах Государственного департамента США, а также систематизируются методы анализа цифровой дипломатии.

В параграфе 1.1 «Понятие “цифровая дипломатия” в отечественной и зарубежной литературе» описывается основная проблематика при определении цифровой дипломатии в академическом дискурсе. Систематизированы основные подходы российских и зарубежных исследователей. Были выявлены узкий и широкий подходы при определении цифровой дипломатии. Для узкого подхода характерно определение цифровой дипломатии как влияния цифровых технологий на дипломатию в целом. Для сторонников широкого, в свою очередь, свойственно определять

ее как использование цифровых технологий в целях публичной дипломатии и построения имиджа государства.

В параграфе 1.2. «Методы и инструменты анализа цифровой дипломатии» выделяются основные подходы к анализу цифровой дипломатии. Было выявлено, что для ее анализа используется три основных метода: дискурс-анализ, контент-анализ и анализ хештега. Дискурс-анализ на основе малого объема публикаций (10-15) показал себя эффективным инструментом для выявления коммуникативных стратегий отдельных политиков и чаще применяется в филологических науках. Тематический контент-анализ чаще применяется для анализа среднего объема публикаций (200-350). Используя этот метод, можно проанализировать как региональную контент-стратегию (например, изучив публикации нескольких посольств), так и стратегию отдельного актора и разработать рекомендации по ее тематическому наполнению. Наиболее перспективным показал себя метод анализа больших данных с применением анализа хештега. Метод оптимален для проверки исследовательских гипотез или разработки глобальных стратегий, таких как выявление лидеров общественного мнения в блогосфере определенного региона или анализ общественных настроений по определенной теме.

Во второй главе «Эволюция цифровой дипломатии в институтах Государственного департамента США» исследуется трансформация концептуальных и институциональных аспектов цифровой дипломатии США.

В параграфе 2.1 «Цифровая дипломатия в стратегиях Государственного департамента США» были систематизированы концептуальные подходы к цифровой дипломатии в различных подразделениях Государственного департамента США. Было установлено, что в документах использовалась различная терминология, которая часто входила и выходила из оборота. Были выделены два основных периода концептуализации цифровой дипломатии. Для первого (администрации

Б. Клинтона и Дж. Буша) характерен терминологический хаос, для второго (администрации Б. Обамы и Д. Трампа) характерно системное использование двух терминов: цифровая и кибердипломатия. Под первым термином в изученных документах понималось использование дипломатами цифровых технологий, в то время как под вторым – решение вопросов цифрового пространства через дипломатические каналы, такие как переговорный процесс в рамках РГОС ООН (Рабочая группа ООН открытого состава) по вопросам киберправа.

В параграфе 2.2. «Становление и трансформация цифровой дипломатии США: институциональные и технологические аспекты» изучена история становления цифровой дипломатии США, а также основные подходы к ее периодизации. На основе трех критериев (институциональные изменения, приоритеты и технологии) была разработана авторская периодизация цифровой дипломатии США. *Первый этап* развития цифровой дипломатии США, начавшийся с администрации Дж. Буша-младшего, характеризовался созданием базовой ИТ-инфраструктуры и внутренних платформ для обмена данными. *Второй этап*, начавшийся с Б. Обамы, отличался системным подходом и массовым внедрением социальных сетей в деятельность дипломатов. *Третий этап (с 2016 г. по н.в.)* эволюции цифровой дипломатии отражает изменение восприятия интернета и социальных сетей как инструмента в нарастающем информационном противостоянии между государственными и негосударственными акторами мировой политики.

В третьей главе **«Стратегии цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана»** описаны основные результаты эмпирического анализа цифровой дипломатии США в исследуемых посольствах, а также проведен ее сравнительный анализ.

В параграфе 3.1 «Эволюция цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента в период администраций Б. Обамы и

Д. Трампа» рассматривается эволюция стратегии использования социальных сетей как инструмента формирования общественного мнения за рубежом.

Цифровая дипломатия США как коммуникативный инструмент преодолела несколько этапов развития. Во время первой администрации Б. Обамы цифровая дипломатия в большей степени выступала как ретранслятор официальных сообщений первых лиц государства, что отражалось в преобладании хештегов, связанных с их публичными выступлениями. Этот этап характеризовался высокой централизацией модели коммуникации и низким уровнем вовлеченности аудитории, что объясняется в том числе и новизной цифровых коммуникаций в дипломатии.

Переход ко второй администрации Б. Обамы ознаменовался значительной трансформацией. Цифровая дипломатия стала более децентрализованной и дифференцированной, с ростом значимости ролей послов и миссий, которые проявили себя как активные акторы онлайн-коммуникации. Это сопровождалось увеличением локальной повестки и запуском кампаний по генерации пользовательского контента. Заметным стало увеличение уровня вовлеченности пользователей, а стратегия постов приобрела более содержательный и адресный характер.

Период администрации Д. Трампа характеризуется снижением официальной активности цифровой дипломатии, что связано с изменением приоритетов внешней политики и предпочитаемой формы коммуникации через персональные каналы президента. Этот этап ознаменовался существенным сокращением активности аккаунтов.

В параграфе 3.2. «Союзнический и конфронтационный векторы в цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана» описываются страновые особенности цифровой дипломатии США в отношении изучаемых стран.

Цифровая дипломатия США в отношении Великобритании представляла собой динамичный инструмент формирования союзнической идентичности, содержательная логика которого определялась не только

долгосрочной коммуникационной стратегией, но и конъюнктурой текущей внешнеполитической повестки. Посольство последовательно разворачивало информационные кампании, обслуживавшие конкретные задачи президентской администрации: подготовку британского общественного мнения к принятию ТТИП, легитимацию трансатлантического военно-политического сплочения через конструирование образа общего врага и, наконец, символическое воспроизводство «особых отношений» посредством апелляции к совместной исторической памяти в условиях нараставшей напряжённости периода администрации Д. Трампа. Смена тематических доминант при неизменности базовой установки на укрепление союзнической солидарности свидетельствует о высокой адаптивности цифровой дипломатии как коммуникативного инструмента и её органичной встроенности в общую логику американской публичной дипломатии

Основной целью создания аккаунта виртуального посольства США в Иране было разжигание протестных настроений среди иранцев, о чем говорят как дата создания аккаунта (день начала протестов в Иране, 14 февраля 2011 г.), так и содержащийся в нем материал. В публикуемых материалах основную роль играет политическая повестка, основная масса публикаций посвящена делегитимации иранского правительства, а также угрозам в сторону его экономических партнеров.

В период администрации Д. Трампа наблюдается смещение тональности публикаций в более агрессивную сторону, что обусловлено, в частности, переходом к политике «максимального давления»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении автором сделаны основные выводы диссертационного исследования. В частности, автор пришёл к выводу, что цифровая дипломатия Соединенных Штатов Америки в отношении Великобритании и Ирана демонстрирует противоположные цели и подходы к этим странам.

В отношении Великобритании США использовали стратегию, нацеленную на взаимодействие с аудиторией и решение ее визовых вопросов. Основной акцент был направлен на культурные события и формирование позитивного имиджа Соединенных Штатов, что подтверждается высоким процентом неполитического контента. В этом контексте целью цифровой дипломатии являлось укрепление чувства единства между гражданами двух стран, будь то общая история или обширные экономические связи.

С другой стороны, виртуальное посольство в Иране использовало подход, сосредоточенный на критике иранского правительства, стремясь делегитимизировать его с помощью негативного нарратива и поддержки протестов. Публикуемый контент ориентировался на молодежную аудиторию и включал крайне низкий процент неполитических публикаций, что подчеркивало цель оказывать давление на правительство Ирана и его международных партнеров, а также подпитывать антиправительственные настроения. Эти нарративы только усиливались на протяжении всех изученных администраций и достигли своего пика в период президентства Д. Трампа.

Анализ также показал, что в подходах к обеим странам наблюдались определенные общие черты, такие как частое использование личного бренда Б. Обамы и Х. Клинтон. Кроме того, можно отметить и эволюционное развитие подходов к цифровой дипломатии. Например, во время администрации Б. Обамы обнаруживается переход от хаотичного контента к

более целенаправленному, с акцентом на понимание местной аудитории и адаптацию контента.

Таким образом, сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана отражает разнообразие применяемых подходов и стратегий в контексте глобальной политической и культурной динамики, обнажая как преимущества, так и вызовы в современных дипломатических практиках.

Ключевой вывод, вытекающий из исследования, заключается в двойственной природе цифровой дипломатии как инструмента сотрудничества, так и конфликта. Успех каждой из стратегий зависит не только от качественного содержания и тактики коммуникации, но и от возможностей по адаптации к локальному контексту, реакций аудитории и умения использовать современные инструменты коммуникации. Эти наработки важны для формирования более эффективных и комплексных дипломатических стратегий, учитывающих специфику цифрового пространства и особенности целевых сообществ на глобальной арене.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих работах автора общим объемом 5,66 п.л.:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования "eLibrary Science Index":

1. Павлюченко А.А. Эволюция концепции «цифровая дипломатия» в документах Государственного департамента США // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69. № 9. – С. 73-82. (0,7 п.л.). JCI – 0,20. (EDN: usqkge).
2. Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16. № 4. – С. 225-250. (1,56 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 1,913. (EDN: qsepzn).

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

3. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия посольств и послов: кейс Соединённых Штатов Америки и Королевства Саудовская Аравия // Информационные войны. – 2025. – № 1(73). – С. 25-29. (0,3 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,342. (EDN: jmahfo).
4. Павлюченко А.А. Сравнительный анализ цифровой дипломатии Соединённых Штатов Америки и Королевства Саудовская Аравия на современном этапе // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15. № 1(113). – С. 323-332. (0,7 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 1,055. (EDN: jijtap).
5. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия Объединённых Арабских Эмиратов и государства Кувейт на современном этапе // Вопросы

национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т. 14. № 12. – С. 3962-3970. (0,6 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,622. (EDN: npwogm).

Публикации в прочих журналах Перечня ВАК:

6. Павлюченко А.А. Цифровая дипломатия vs кибердипломатия: к проблеме терминологии в академической литературе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2024. – Т. 50. – С. 99-109. (0,8 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,487. (EDN: aflann).
7. Павлюченко А.А. К вопросу о периодизации цифровой дипломатии США // Русская политология. – 2023. – № 28(3). – С. 69-81. (1 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ – 0,198. (EDN: divkzz).